

Нация и государство

Пути постсоветской этнополитической трансформации Беларуси и Украины

Современное восприятие научным сообществом этнических, национальных, этнополитических и этнокультурных процессов и явлений представляет собой поразительную и крайне пеструю мозаику теоретических и методологических принципов, взглядов, убеждений. Попробуем в них разобраться.

Анастасия БУЕВА,
ассистент кафедры
политологии БГУ

Научный руководитель –
БУХОВЕЦ Олег Григорьевич,
доктор исторических наук,
профессор

В поисках наиболее адекватных моделей понимания и интерпретации процессов и явлений, протекающих в этнической среде, проводят свои исследования как российские и белорусские (В.А. Тишков, В.В. Коротева, Д.Ю. Цветков, О.Г. Буховец и др.), так и западные социологи, политологи, историки и этнологи (У. Альгерматт, Э. Геллнер, Э. Смит, Э. Хобсбаум и др.). Следует помнить, что, в конечном счете, соответствующие практики познания должны быть нацелены на обнаружение «типологически общего во всем многообразии форм национального» как в региональном, так и в мировом контексте [1, с. 155].

Обратимся к истокам научного нациеведения. Согласно «Французскому академическому словарю» 1694 года, «нация» предстает в виде «совокупности всех жителей одного и того же государства, которые живут по одним и тем же законам и используют один и тот же язык...» [2, с. 33–34]. Куда более туманную, абстрактно сформулированную версию понимания термина «нация» предложил немецкий философ-просветитель И.Г. Гердер: «Самым естественным государством является Некий Народ, с Неким Национальным Характером...» [2, с. 34].

Вплоть до начала Великой французской революции атрибутивные признаки нации в целом оставались противоречивыми и недостаточно проясненными [3, с. 34]. Право именоваться нацией принадлежало тогда лишь привилегированным сословиям.

Началом строго научного изучения данного феномена в XIX веке многие исследователи считают знаменитую лекцию Э. Ренана «Что такое нация?» (1882). По его мнению, ни религия, ни общность языка, ни единая территория не смогут создать нацию. И только общие переживания, потери и жертвы, общая субъективная воля, объединенные прошлым и настоящим, благодаря желанию людей «продолжать свою жизнь сообща», способны это сделать [4, с. 240].

На сегодняшний день мировую науку о нациях, этнических сообществах и национализме характеризует высокая степень разнообразия теоретико-методологических установок и положений, моделей понимания, интерпретаций и прогнозирования этнонациональных процессов и явлений. Достаточное представление об этом дает хотя бы своеобразная научная антология современного нациеведения «Нации и национализм» [4]. В частности, патриарх мировой науки XX века Э. Хобсбаум предлагает посмотреть на нацию как на нечто эфемерное, абсолютно прозрачное, придуманное современным миром [4, с. 332–345].

Согласно теории Б. Андерсона, человек существует потому, что воспринимает себя в качестве члена некоторого сообщества. А нация, к которой он себя относит, «воображается ограниченной, потому что даже самая крупная из них... имеет конечные,

ОБ АВТОРЕ

БУЕВА Анастасия Олеговна.

Родилась в г. Молодечно Минской области.

В 2001 году окончила Белорусский государственный университет, в 2008 году – магистратуру Белорусского государственного экономического университета, в 2012 году – аспирантуру БГУ. В 2001–2004 годах – педагог-организатор СШ № 6 г. Молодечно, в 2004–2007 годах – педагог-организатор СШ № 203 г. Минска. С 2012 года – ассистент кафедры политологии БГУ.

Автор 8 научных работ.

Сфера научных интересов: этнополитическая трансформация, миграция населения.

хотя и подвижные границы, за пределами которых находятся другие нации» [5, с. 7]. Авторитетные западные исследователи Э. Геллнер и Э. Смит акцентируют внимание на социально закладываемой природе этничности. Советская и постсоветская наука в своих теоретических выкладках по этничности и национализму в ряде отношений идет за зарубежными авторами, но в чем-то расставляет и свои акценты. С.М. Широкогоров идентифицировал этнос как определенную группу людей, признающую свое единое происхождение, говорящую на одном языке, обладающую своим укладом жизни и традициями, которые и отличают ее от других [6, с. 105]. По мнению Л.Н. Гумилева, этнос – явление природное, способное перевернуть историю, склонное к «пассионарности» и рождению суперэтноса [7, с. 89]. В.А. Тишков, анализируя историю появления «нации», определяет ее «как категорию практики», которая способна выжить только в «многоэтнической гражданской нации» [8, с. 147].

Многочисленность имен и теорий свидетельствует об истинности утверждения У. Альтерматта о том, что «каждый национализм порождает своего собственного теоретика... Не существует универсальной теории нации и национализма» [2, с. 29]. При этом слишком часто забывается принцип, согласно которому нельзя механистически экстраполировать на изучаемую действительность существующие модели интерпретации таких процессов и явлений, которые существенно весьма далеки от нее [1, с. 150].

Рассмотренные нами теории и определения позволяют сделать следующий вывод. Сфера этнонациональных отношений достаточно консервативна (особенно с учетом общего прошлого), и вместе с тем крайне восприимчива к любым переменам в жизни общества, она сильно реагирует на изменения трансформационного характера. Распад СССР и послужил тем определенным импульсом к пробуждению самосознания и самоопределения, которые в скором времени приобрели искаженные формы национализма, а в некоторых странах, например Латвии, Литве, Эстонии, Молдавии, Украине, – даже элементы нацизма.

Проблема интеграции национальных меньшинств до сих пор остается болезненной темой для многих государств, как, впрочем, и языковая политика местных вла-

Национальность	1989	1999
Нетитульная	36,1	42,2
в том числе: русские	25,7	20,8
украинцы	33,7	35,5

стей, приводящая к расколу и конфликтам в обществе.

Одним из основных теоретико-методологических и методических вопросов изучения этнополитической трансформации является поиск количественных индикаторов хода и результатов данного процесса. В качестве таких показателей мы рассмотрим изменение в территориальном расселении представителей нетитульных национальностей, распространенность государственного языка и языка национальных меньшинств.

На наш взгляд, процессы локализации этнических меньшинств можно количественно оценить с помощью коэффициента вариации удельного веса представителей отдельных нетитульных национальностей в общей численности населения, рассчитываемого по формуле:

$$V = \frac{\sigma}{d} \cdot 100,$$

где σ – среднее квадратическое отклонение;

d – удельный вес лиц отдельной национальности в общей численности населения. Среднее квадратическое отклонение рассчитывается по формуле:

$$\sigma = \sqrt{\frac{\sum (d_i - d)^2}{n}},$$

где d_i – удельный вес лиц отдельной национальности в численности населения i -й области; n – количество регионов (областей).

В таблицах 1 и 2 представлены результаты расчета коэффициента вариации для Беларуси и Украины. К сожалению, по Украине сводные статистические данные по национальности в разрезе областей слабо разработаны: по всем областям имеют-

▲ Таблица 1.
Коэффициенты вариации удельного веса лиц отдельных нетитульных национальностей в общей численности населения Беларуси
Источник: разработка автора на основании данных статистического сборника «Национальный состав населения Республики Беларусь и распространенность языков: Итоги переписи населения Республики Беларусь 1999 года» (Минск, 2001, с. 16–37) и ресурса http://belstat.gov.by/homep/ru/perepic/2009/publications/national_structure_rb.rar.

▼ Таблица 2.
Коэффициенты вариации удельного веса лиц отдельных нетитульных национальностей в общей численности населения Украины
Источник: разработка автора на основании данных сборника «Национальный состав населения СССР: По данным Всесоюзной переписи населения 1989 г.» (М., 1991, с. 78–86) и ресурса <http://2001.ukrcensus.gov.ua/results/general/nationality/>.

Национальность	1989	2001
Нетитульная	65,5	77,8
в том числе: русские	74,6	85,4
белорусы	56,6	57,0

ся сведения лишь по русским и белорусам. Поэтому для обеспечения межстрановой сопоставимости в расчет берутся русские и белорусы по Украине и русские и украинцы – по Беларуси.

Сравнивая значения коэффициентов вариации Беларуси и Украины, мы обнаруживаем следующие тенденции:

1) небелорусы расселены в Беларуси более равномерно, чем неукраинцы в Украине. В 1989 году областной удельный вес небелорусов отличается от общереспубликанского удельного веса в Беларуси в среднем на 36,1 %, а в Украине областной удельный вес неукраинцев – на 65,5 %. Данное отличие сохранилось и на рубеже веков: в 1999 году в Беларуси – 42,2 %, а в Украине – 77,8 % в 2001 году;

2) локализация русских в 1989 году в Украине в 3 раза больше, чем в Беларуси (74,6 % против 25,7 %), а по данным переписей 1999 и 2001 годов – в 4 раза больше (85,4 % против 20,8 %);

3) положительная динамика коэффициентов, рассчитанных по всему нетитульному населению, наблюдается в обеих странах, следовательно, процессы локализации представителей нетитульных национальностей в межпереписной постсоветский период характерны и для Беларуси, и для Украины. Однако интенсивность этих процессов существенно отличается: в Беларуси коэффициент увеличился на 6,1 процентного пункта, а в Украине – на 12,3 процентного пункта, т.е. в 2 раза больше. Исключение составляют русские в Беларуси: для них характерна обратная тенденция – делокализация (почти на 5 процентных пунктов);

4) локализация русских в Украине увеличилась на 10,8 процентного пункта, белорусов – на 0,4 процентного пункта;

5) локализация украинцев в Беларуси увеличилась на 1,8 процентного пункта.

Таким образом, динамика одного из показателей, измеряющего степень интеграции нетитульного населения в обществе, убедительно свидетельствует, что постсоветской Беларуси свойственен более мягкий вариант этнополитической трансформации, нежели тот, который переживает Украина.

В 2011 году Информационно-аналитическим центром при Администрации Президента Республики Беларусь (ИАЦ) было проведено исследование о ситуации в национальной сфере. Вот его итоги:

1) 85 % респондентов считают, что в государстве по-прежнему отсутствует дискриминация по национальному, языковому и религиозному признакам;

2) 88 % респондентов исключают возможность в Беларуси конфликтов на национальной почве;

3) уровень толерантности по отношению к национальным меньшинствам оказался максимальным за последние 5 лет [9].

В Украине же к 2010 году, напротив, возрастает ксенофобия по отношению к основным национальным меньшинствам, проживающим в стране – русским и белорусам. В настоящее время самую многочисленную группу (практически половину населения) составляют граждане с изоляционистскими установками на межнациональные отношения. По данным Института социологии НАН Украины, с 1994 по 2010 год уровень толерантности к русским снизился в 2 раза (с 80 до 45 %), к евреям – в 3 раза (с 33 до 11 %), к крымским татарам – в 2 раза (с 9 до 4 %), к цыганам – в 5 раз (с 11 до 2 %). При этом, по информации общественных организаций, количество только зафиксированных преступлений на почве антисемитизма и ксенофобии растет и по итогам 2009 года составило не менее 35–40 случаев, в 2010 году – 70 случаев физического насилия над людьми, в 2011 – 84, в 2012 – 129 [10].

Языковой вопрос, на наш взгляд, является также очень важным показателем, характеризующим этнополитическую трансформацию. В данном отношении ситуация в постсоветских странах отличается весьма существенно. Так, в частности, правящая элита Украины, Казахстана, других новых независимых государств и особенно стран Балтии продолжают внедрять язык титульной национальности во все сферы общественной жизни.

В Беларуси же языковая политика однозначно определилась на референдуме 14 мая 1995 года: 83,1 % высказались за равный статус белорусского и русского языков, и лишь 12,7 % проголосовавших высказались против этого. Не лишне напомнить, что в мировой науке давно уже доминирует точка зрения, согласно которой язык, выступающий важнейшим маркером этнической самобытности, вместе с тем отнюдь не является решающим признаком этноса.

По данным исследования общественного мнения населения Украины, прове-

денного в 2010 году компанией Research & Branding Group, за украинский язык в качестве единственного государственного высказались 48 % опрошенных украинцев, а за два государственных языка (украинский и русский) – 49 % респондентов [11].

Языковой вопрос в Украине давно вышел за собственно лингвистические границы. Современная государственная политика в этой сфере де-факто учитывает интересы меньшей части граждан страны. В условиях исторически сложившегося двуязычия украинского общества политика «украинизации» привела к серьезной межэтнической напряженности. Отношение же к русскому языку приобрело роль маркера в противостоянии «свой – чужой», что влечет за собой разделение общества по политическим, региональным и этническим признакам.

Что касается белорусов, то даже те из них, которые предпочитают пользоваться русским языком, обладают устойчивой белорусской самоидентификацией.

Одной из наиболее важных характеристик определенной модели нации-государства является преобладание в стране той или иной идентичности – гражданской либо этнокультурной.

В 1989 году из всех жителей Беларуси, указавших в качестве родного языка небелорусский, 44,8 % считали себя белорусами по национальности. А по итогам переписи 2009 года показатель этот вырос уже до 70,1 %. Такая ситуация сложилась, в частности, за счет опережающего роста численности белорусов по национальности среди этнических небелорусов по сравнению с динамикой численности последних. В Украине же уровень гражданской идентичности среди этнических неукраинцев гораздо ниже: в 1989 году – 25,3 %, а в 2001 году – 35 %.

К «асимметрии развития» этнической идентичности в Украине обращается украинская исследовательница А.А. Кислая. В своей работе «Этническая идентичность в Украине: парадокс «without the dynamics» она, опираясь на мониторинговые исследования НАН Украины за 2002–2010 годы, подчеркивает, что невозможно построить цивилизованное общество-государство, если страна все время находится в состоянии расшатывания: с одной стороны, политические элиты стремятся построить «национальное государство с титульным этносом

во главе», с другой – в самом обществе отсутствует «социальный заказ... на этнонациональное развитие» [12].

На сегодняшний день в Республике Беларусь формирование гражданско-политической идентичности протекает в стабильных условиях, ее абсолютно безболезненно воспринимают именно иноэтничные граждане. Конечно, Беларусь, так же как и Украина, склонна к большей языковой русификации на востоке. Но и запад Беларуси в этом отношении очень мало напоминает запад Украины.

Вполне очевидным представляется следующее: попытки оппозиционных нынешней власти общественно-политических сил, как и прежде направленные на националистическую мобилизацию, не находят поддержки среди подавляющего большинства граждан Республики Беларусь. И, конечно, сейчас уже с уверенностью можно сказать, что рождение нового белорусского государства и его становление хотя и проходило непросто, однако «государственное начало оказалось более развитым», чем этническое [13, с. 91]. ▀

ЛИТЕРАТУРА

1. Буховец, О.Г. Ключ на пороге XXI века: искушение национализмом... / О.Г. Буховец // Вопросы истории. – 2002. – № 3. – С. 147–158.
2. Альтерматт, У. Этнонационализм в Европе / У. Альтерматт. – М.: Изд. центр РГГУ, 2000. – 366 с.
3. Буховец, О.Г. Эра национализма и особенности образования наций в Европе / О.Г. Буховец // Современная Европа. – 2008. – № 4. – С. 33–44.
4. Нации и национализм / Б. Андерсон, О. Бауэр, М. Хрох и др.; пер с англ. и нем. Л.Е. Переяславцевой, М.С. Панина, М.Б. Гнедовского. – М.: Практикс, 2002. – 416 с.
5. Андерсон, Б. Воображаемые сообщества. Размышления об истоках и распространении национализма / Б. Андерсон; пер. с англ. В. Николаева. – М., 2001. – 285 с.
6. Широкогоров, С.М. Избранные работы и материалы. Этнографические исследования: в 2 кн. / С.М. Широкогоров. – Кн. 2: Этнос. Исследование основных принципов изменения этнических и этнографических явлений. – Владивосток, 2002. – 148 с.
7. Гумилев, Л.Н. Этногенез и биосфера Земли / Л.Н. Гумилев. – Л.: Изд-во ЛГУ, 1990. – 528 с.
8. Тишков, В.А. Этнология и политика / В.А. Тишков. – М.: Наука, 2001. – 239 с.
9. Информационно-аналитический центр при Администрации Президента Республики Беларусь [Электронный ресурс] / Информационно-аналитический центр при Администрации Президента Республики Беларусь. – 2012. – Режим доступа: http://iac.gov.by/ru/sociology/research/Obschestvennoe-mnenie-o--situatsii-v-natsionalnoj-sfere_i_0000000214.html. – Дата доступа: 16.10.2013.
10. Колесниченко, В.В. В Украине необходимо запретить «язык вражды»: реалии и практика / В.В. Колесниченко // Украинская правда [Электронный ресурс]. – 2013. – Режим доступа: <http://blogs.pravda.com.ua/authors/kolesnichenko/5257a4fadfc11/>. – Дата доступа: 16.10.2013.
11. Бабанина, Н. Выяснение отношений. Часть 2 / Н. Бабанина // Research & Branding Group [Электронный ресурс]. – 2011. – Режим доступа: <http://rb.com.ua/rus/analytics/politics/7968/>. – Дата доступа: 16.10.2013.
12. Кислая, А.А. Этническая идентичность в Украине: парадокс «without the dynamics» / А.А. Кислая // ВЦИОМ [Электронный ресурс]. – 2012. – Режим доступа: http://wciom.ru/fileadmin/nayka/Gr_2012/theses/case_studies/kislaja.pdf. – Дата доступа: 16.10.2013.
13. Масюков, М. Белорусская национальная идентичность: некоторые особенности современного состояния / М. Масюков // Мир перемен. – 2007. – № 2. – С. 86–93.